

В.В. Тихонов

КАК «МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ»
ТВОРИЛИ БОЛЬШУЮ ИСТОРИЮ:
ФЕНОМЕН «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»
И ЕГО РОЛЬ В ПОСЛЕВОЕННЫХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЯХ В СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена «маленького человека» и его роли в годы послевоенных идеологических кампаний. Показываются функции и проявления этого феномена сталинской политической культуры в условиях исторической науки. Явление рассматривается на примере деятельности Х.Г. Аджемяна, И.И. Мордвишина и П.Е. Осиповой.

Ключевые слова: советская историческая наука; идеологические кампании; сталинская политическая культура; «маленький человек».

V.V. Tikhonov

AS "LITTLE PEOPLE" WERE DOING A GREAT
HISTORY: PHENOMENON OF THE "LITTLE MAN"
AND HIS ROLE IN THE POSTWAR
IDEOLOGICAL CAMPAIGNS IN SOVIET HISTORICAL
SCIENCE

Summary. The article is devoted to the phenomenon of the "little man" and its role in the years of post-war ideological campaigns. Shows the functions and manifestations of this phenomenon of Stalin's political culture in the conditions of historical science. The phenomenon is considered by the example of H.G. Adgemjan, I.I. Mordvishin and P.E. Osipova.

Keywords: the Soviet historical science; the ideological campaign; Stalin's political culture; "the little man".

«Маленький человек» — фигура в сталинской политической культуре чрезвычайно важная, а главное — эффектная и эффективная. «Маленький человек — это вовсе не рабочий или колхозник, или мелкий служащий, как это может на первый взгляд показаться. Нет, это гражданин, который, не занимая высоких постов, рискует, но разоблачает больших начальников, совершивших крупные преступления... Маленький человек — это человек, стучащий громко и самоотверженно. Даже если он и не всегда прав: что-то додумывает,

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

о чем-то сочиняет, сообщает непроверенные слухи, тем не менее, к нему следует прислушиваться и оберегать от притеснений местных, или ведомственных начальников»¹.

Являясь частью механизма функционирования социальной и идеологической системы, «маленькие люди» превращались в грозное оружие. Сам факт того, что к сигналам снизу внимательно прислушивались, должен был свидетельствовать о демократичности советского строя. В определенной степени «маленькие люди» выполняли функцию саморегуляции системы, указывая на вопиющие (но всегда «отдельные» и «единичные») недостатки, злоупотребления и нарушения социальной справедливости. Они доносили на начальников (в том числе и партийных), а также представителей высших страт советской социальной иерархии, писали в компетентные органы, газеты, выступали на собраниях, сигнализируя о неблагополучии, вредительстве, опасных тенденциях. Факты и слухи, которыми они оперировали, становились ценным материалом в руках контролирующих органов. Многочисленные разоблачители «из народа», «с самых низов» играли видную роль в партийных играх, борьбе номенклатурных кланов и т.д. На эту роль всегда находились желающие, карьеристы, стремящиеся выслужиться, а часто люди просто неуравновешенные, готовые видеть опасность для советского строя везде и всюду.

Особое значение «маленький человек» играл в послевоенных идеологических кампаниях. По наблюдению А.Б. Кожевникова: «В конечном итоге кампания идеологических дискуссий предстает как перенос ритуалов внутрипартийной демократии из одной политической культуры (партийно-номенклатурной) в другую (академическую) и применение этих ритуалов к разрешению научных противоречий»². Сигналы «маленьких людей», привычные для номенклатурных будней, стали элементом и академической жизни и борьбы. Классическим примером здесь является фигура языковеда А.С. Чикобава, чье выступление, согласованное со Сталиным, стало началом падения марризма в 1950 г.³

Сигналам о неблагополучии в идеологической сфере придавалось особое значение как свидетельству «народной» борьбы против отклонений от линии партии. Среди работников науки и культуры Советского Союза (ученые, вузовские преподаватели, писатели и т.д.) таких своеобразных «маленьких людей» было немало. Это были мало кому известные провинциальные преподаватели, молодые специалисты, вспомогательные работники в академических институтах. Они противопоставлялись авторитетным ученым, представителям столичной интеллектуальной элиты, обросших званиями, материальными благами, и, как следствие, потерявших бдительность и запу-

тавшихся в паутине личных пристрастий. В одной из статей «Литературной газеты», где остро критиковался Институт истории АН СССР, читаем: «Основным и главным препятствием (успешной работы. — В.Т.) является отсутствие в его стенах подлинной критики и самокритики. В институте укоренилась гнилая традиция раболепия перед учеными “авторитетами”, хотя бы они и плохо владели марксистско-ленинским методом»⁴. Именно критику и самокритику должны были привнести «маленькие люди» в академический мир, они оказывались на передовой борьбы за чистоту марксизма-ленинизма.

Не секрет, что научное сообщество (впрочем, как и многие другие) выстраивается по своеобразной клановой системе. Для советских историков это было особенно заметным. Вокруг авторитетных и влиятельных ученых теснились ученики, многочисленные помощники, зависимые научные сотрудники. Странники общих концепций также имели свойство группироваться и тесно взаимодействовать, особенно против оппонентов. Такая ситуация не могла не беспокоить власти. Во-первых, это нарушало структурную однородность советской исторической науки. Во-вторых, осложняло управление наукой из-за регулярных межклановых дразг. Но были и положительные моменты: наличие ярко выраженных лидеров позволяло транслировать через них в научно-историческое сообщество идеологические требования, через них же контролировать инакомыслящих. Периодически лидеров надо было «встряхнуть». Во-первых, для запугивания самих «авторитетов», а во-вторых, чтобы другим, менее значимым фигурам показать всю силу системы. Для «оздоровления» задействовались самые разные механизмы, и «маленький человек» играл в этом не последнюю роль.

1940—1950-е годы подарили немало примеров деятельности «маленьких людей», оказавшихся в гуще идеологических кампаний и проработок и затем благополучно (или не очень благополучно) исчезнувших. В условиях нестабильности идеологической системы «маленькие люди» должны были нарушить привычные связи, своими выступлениями против авторитетов внести свежие мысли, спровоцировав их бурное обсуждение. Они выступали в роли провокаторов, зачастую даже противореча устоявшимся догмам, в чем-то опережая партийных идеологов. Их идеи должны были провоцировать полемику, показывающую внимательным наблюдателям со стороны настроения интеллигенции. В исторической науке также найдутся примеры этого феномена.

Наиболее типичным и в то же время ярким из них являлся Хорен Григорьевич Аджемян. Фигура Аджемяна до сих пор покрыта завесой тайны. Появился он неожиданно, также неожиданно исчез. Впервые некоторые советские историки о нем услышали, когда он прислал для

«Исторического журнала» статью с новой оценкой движения Шамиля как явления реакционного. В годы, когда любое выступление народов против императорской России расценивалось как прогрессивный факт, это было неприемлемо. Статью забраковали. Но автор не отчаялся. Трудно сказать, какие связи и механизмы он задействовал, но во вскрытии об Аджемяне заговорили все известные историки Советского Союза. На совещании историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г., на котором присутствовали секретари ЦК А.А. Андреев, Г.М. Маленков и А.С. Щербаков, он оказался в числе главных докладчиков. А.М. Панкратова в своем письме о совещании, адресованном А.В. Фохт, точно передает небогатый набор сведений о личности оратора, доступный непосвященным: «Что это за фигура, я точно не представляю себе. Он член Союза писателей, философ по образованию, историк по наклонностям, поэт-переводчик по специальности, армянин по национальности»⁵.

С трибуны Аджемян эпатажил советскую элиту исторической науки. Поскольку сам ход совещания и содержание выступления «историка по наклонностям» неоднократно и подробно описывались в литературе⁶, ограничимся лишь обозначением основных идей. Во-первых, с его точки зрения, нельзя разделять народ и государство, которое является выразителем его духа. Исходя из этого необходимо отказаться от гипертрофированного классового подхода, который, на самом деле, противоречит настоящему марксизму. Во-вторых, восстание Пугачева в случае его победы не принесло бы России ничего, кроме «пучины кровавого одичания». В этой связи лучшей альтернативой пугачевщине выступавшему виделись декабристы, победа которых «вывела бы Россию на путь либерального, капиталистического, более прогрессивного развития, ускорила бы темпы прогресса и восхождения России как мировой, благоустроенной державы...»⁷. Оба положения выглядели для советской историографии, воспитанной на взгляде на Российскую империю как государство господства реакционного класса помещиков и аксиоме о прогрессивной роли народных движений, как минимум, скандально. Но Аджемян на этом не остановился. Он призвал радикально переоценить движение Шамиля, признав его реакционным и «бессмысленным». Таким образом, разрушался историографический канон, ярко прописанный еще М.Н. Покровским и, несмотря на разгром его «школы» в 1930-е годы, все еще остававшийся непререкаемой истиной для советских историков.

Аджемян призвал при интерпретации исторических событий исходить из государственной целесообразности, которую он называл «критерием исторической истины»⁸. В своих рассуждениях он покусился на святое, на классиков марксизма, которые, по его мнению,

имели самые смутные представления о России в целом и движении Шамиля в частности: «Тут цитаты от Маркса и Энгельса о Шамиле не помогут, ибо знание России не составляло сильную сторону этих наших учителей». Они не понимали, что «Россия не есть проселочная тропа по отношению к столбовой дорожке мировой истории, а наоборот, ей-то и принадлежит высокая честь составлять своей историей последнюю фазу этого великого тракта»⁹.

Многие идеи, высказанные Аджемьяном, в той или иной форме были озвучены на совещании и другими выступавшими, но в целом его речь оказалась экстравагантной, провокационной, слишком радикальной в своей незакамуфлированной апологетике российского государства и его мессианского призвания. Панкратова назвала все это «бредом», «гегельянщиной». «Впечатление было неотразимое. Собравшиеся не верили своим ушам и глазам», — писала она. Но тут же прибавляла: «В президиуме молчали и внимательно слушали»¹⁰.

Выступавшая после Аджемьяна Панкратова обрушилась с критикой на историков-«государственников», в том числе и на предыдущего докладчика. Она обвиняла его в «отходе от марксизма-ленинизма», предательстве классового подхода¹¹.

По мнению А.М. Дубровского, не только бывшие «красные профессора», но и один из главных идеологов партии А.С. Щербаков скептически отнесся к выступлению Аджемьяна. Впрочем, даже если это так (что доказать практически невозможно), все равно к нему очень внимательно прислушивались, видимо держа в уме какие-то идеологические комбинации. Очевидно, что никому не известный «историк по наклонностям» на такое мероприятие просто так попасть не мог. Что-то в его идеях крайне заинтересовало идеологов, а его выступление было похоже на сознательную провокацию для прощупывания настроений профессиональных историков.

В проектах резолюции (которая так и не была обнародована) по итогам совещания взгляды «некоего Аджемьяна» были осуждены как «буржуазные». Фактически была повторена точка зрения Панкратовой. Впрочем, и ее позиция по ключевым вопросам отечественной истории также подверглась критике. 24 октября 1944 г. Щербаков выступил на пленуме Московского городского комитета партии, где с осуждением рассказал о воззрениях Аджемьяна¹². С критикой его взглядов (хотя и не называя имен) выступил Г.Ф. Александров в своей статье «О некоторых задачах общественных наук»¹³.

На заседании парторганизации Института истории АН СССР 18 апреля 1945 г. представитель «Исторического журнала» И.А. Кудрявцев представил доклад «О некоторых искривлениях по вопросам истории СССР». В нем он специально остановился на фигуре Адже-

мяна, подчеркнув, что тот отошел в своих воззрениях от марксизма и проповедует гегельянство, выпячивая роль государства как выразителя народного духа. Он тезисно донес до слушателей критику Аджемьяном советской исторической науки: «Советская историческая наука еще слишком незрела, наивна, она переживает, по его выражению, “детскую болезнь левизны”»: 1. Советская историческая наука не может отойти от якобы буржуазного принципа классового деления общества. Этот принцип, по мнению Аджемьяна, вовсе не свойственен марксизму, а навязан историками реставрации — Гизо и Тьерри; 2. Советские историки интересуются лишь разрушителями государства, а не его созидателями. Советская историческая наука еще слишком незрела, наивна, она переживает, по его выражению, “детскую болезнь левизны”; 3. Советские историки интересуются лишь разрушителями государства, а не его созидателями. Этому Аджемьян противопоставил свою точку зрения: 1. За основу исторического процесса нужно брать не классы, а народы в целом; 2. Понятие народ не противостоит понятию государства, которое для него является не продуктом классовой борьбы, не органом насилия господствующего класса, а воплощением народного духа, неразрывной связи народа и государства; 3. Государственные деятели, по мнению Аджемьяна, воплощают народную волю, народного духа, народного лица...»¹⁴.

И.А. Кудрявцев назвал такие взгляды неприемлемыми, а само явление, которое получило определенное распространение и в среде профессиональных историков, «аджемьяновщиной», сутью которой являлась реабилитация великодержавного взгляда на историю и отказ от классового принципа. Заметим, что появление ярлыка, столь характерного для начальных стадий любой советской идеологической кампании, может свидетельствовать о намерении таковую провести. Впрочем, в действительности ее не последовало, а присутствовавшие партийные историки с одобрением восприняли доклад.

Казалось бы, звезда Аджемьяна потухла, так и не вспыхнув по настоящему. Но смена внутривластных ориентиров поменяла ситуацию: постепенное внедрение идеологии советского патриотизма, пропаганда концепта особой миссии русского народа, игравшего роль «старшего брата» союзных национальностей и опасения перед национальными движениями сделали свое дело. Это почувствовали на себе и историки. Так, в 1945—1946 гг. А.Б. Закс с большим трудом смогла защитить диссертацию на тему «Ташев Хаджи — сподвижник Шамиля и Чеченское восстание 1840 года». После депортации чеченцев тема стала политически вредной¹⁵.

Не случайно и то, что одиозную фигуру Аджемьяна явно не спешили сдавать в тираж. Несмотря на все негативное отношение к нему со

стороны историков, ему разрешают выступить на расширенном заседании сектора истории СССР XIX в. Института истории АН СССР.

Выступление состоялось 19 июня 1946 г. Его открыл руководитель сектора Н.М. Дружинин. В своем вступительном слове он подчеркнул ситуацию смены идеологических ориентиров в освещении истории национальных движений. Он напомнил, что «лет пятьдесят назад вопрос о борьбе северокавказских горцев считался вполне ясным и разработанным — сложилась определенная концепция, которая не возбуждала никаких сомнений в кругах советских историков, — считалось, что это национально-освободительное движение, которое было направлено против царской России и которое по существу было прогрессивным историческим явлением»¹⁶. Положение поменялось в годы Великой Отечественной войны: «Мы должны учесть, что за время Великой Отечественной войны очень многие вопросы, связанные с вопросом истории данной национальности, получили углубленную постановку и некоторые выводы, которые делались ранее, нуждаются в дополнении, в корректировках, в пересмотре»¹⁷.

Один из вариантов нового прочтения отмирающих догм должен был представить именно Аджемян. Его доклад назывался «Об исторической сущности мюридизма». Он начал с того, что априорный взгляд на любое антироссийское национальное движение как явление прогрессивное уже не соответствует времени. Он напомнил, что два года назад уже предлагал заслушать его доклад в Институте истории, тогда это предложение «вызвало некоторый переполох. Начали говорить о недопустимости, о невозможности, о нецелесообразности постановки и пересмотра этого вопроса вообще»¹⁸. Любопытно указание докладчика на то, что некоторые сотрудники поддерживали эту идею, что опять-таки свидетельствует, что его позиция в определенной степени находила поддержку. Теперь многое изменилось. Указания Маркса и Энгельса, вновь сказал Аджемян, не могут быть руководством в этом вопросе. Себе в помощь автор привлек Л.Н. Толстого, давшего непривлекательный образ Шамиля, и даже Н.Г. Чернышевского, которому приписал статью в «Современнике» «О значении наших последних подвигов на Кавказе» (на самом деле автором был Н.А. Добролюбов).

Свое низвержение культа Шамиля Аджемян начал с того, что в красках живописал отсталость и дикость горных народов Дагестана и Чечни: «Доказано, что это была страна отсталости, нищеты, первобытного равенства, и при всем том неплохо организованного военного разбоя»¹⁹. Только благотворное влияние русской культуры и культуры более прогрессивных кавказских народов, армян и грузин,

могло изменить сложившееся положение дел. Только благодаря торговому и политическому влиянию Российской империи в горском обществе возникли прогрессивные явления. При этом ниспровергатель наследия Покровского продолжал сам пользоваться его терминологией, говоря о «веянии духа торгового капитала»²⁰.

Выступавший донес до слушателей факты того, что Шамиль активно сотрудничал с турецким султаном. Более того, имамы «стремились отторгнуть от России все Закавказье, свергнуть грузин, армян, азербайджанцев под жесткий гнет султаната, отнять от России»²¹. Он признавал, что Россия проводила колониальную политику, но одновременно «пробуждала в этих народах искры национального самосознания, создавала условия, как экономические, так и культурные для становления наций в строгом смысле этого слова. Поэтому тяга к России со стороны народов Кавказа определялась их тягой к культуре и становлению их нациям»²². Причем, чем более развитыми были народы, тем сильнее они тянулись к России. Шамилю автор противопоставил Ахундова, который, по его словам призывал к единению с Россией. Вывод был однозначным: несмотря на ряд объективных предпосылок, мюридизм — реакционное и религиозное движение фанатиков, а не социальный протест против феодального порабощения со стороны Российской империи.

Обсуждение доклада оказалось бурным. В.В. Сивков заявил, что обоснование, предложенное Аджемяном, не может перевернуть представления советских историков о движении Шамиля, которое, по его мнению, явно носило социальный характер. К этой точке зрения присоединился востоковед Б.Н. Заходер, который заявил: «И мне кажется, что единственный плюс доклада, который мы сегодня прослушали, тот, что работать в этой области и причем работать советским ориенталистам, работать придется очень много и работы здесь, по видимому, очень много»²³. Жестче высказалась А.Б. Закс: «Я познакомилась с тезисами и с докладом в полном его виде, и нужно сказать, что почти каждый (тезис. — В.Т.) вызывает только возражения»²⁴. Она отвергала мнение о реакционном характере движения, указывая на то, что Шамиль боролся с традиционным правом — адатом.

М.В. Нечкина обвинила Аджемяна в том, что он смотрит на горцев глазами царских генералов, классовый подход вообще отсутствует: «И в то же время у вас ничего не говорится о роли классовой борьбы, о классовой дифференциации в том движении, которое вы пытаетесь изучать... А где у нас классовая подоплека движения, где классовый состав народа, когда на одной позиции стояла верхушка, а на другой — народ, народные массы. Следовательно, вы не пользуетесь тезисом классовости, который является для нас обязатель-

ным»²⁵. По мнению Нечкиной, автор доклада отрицал само право отсталых народов на антиколониальную борьбу. Она также поймала докладчика на незнании ряда фактов. Вердикт, — доклад ненаучен.

Е.В. Чистякова гневно спросила у Аджемьяна: «Вы и восстание индусов против английской колониальной политики также назовете злом, а английскую политику благом?»²⁶ Она категорически отрицала, что Л.Н. Толстой осуждал Шамиля, наоборот, он сочувствовал горцам, а не царской власти. К предыдущим выступавшим присоединилась Ш.И. Типеева. Она также указала на то, что вопрос о связи с Турцией необходимо изучать на первоисточниках, а не оперировать слухами.

Несколько с иных позиций Аджемьяна критиковал Л.М. Иванов. Он указал на то, что его взгляды совпадают с социал-демократами, оправдывавшими колониальную политику своих правительств. А в целом: «...Доклад, который был сегодня заслушан, он просто вызывает какое-то удивление, ибо здесь автор не только не хотел посчитаться с тем, что сделала советская историческая наука, но и с тем, что сделала наука по изучению движения Шамиля вообще»²⁷.

Осторожно выступил Н.М. Дружинин. Он признал, что религиозная оболочка движения — реакционная. Но в остальном он был не согласен с Аджемьяном. Так, Дружинин подчеркнул, что Ахундов считал Российскую империю «наименьшим злом» и враждебно относился к николаевскому режиму.

В некоторой степени Аджемьяна поддержал некий Хуршилов из Дагестана. Он признал, что образ Шамиля идеализируется и модернизируется советскими историками. В конце заключительное слово дали самому докладчику. Тот сказал, что не хотел идеализировать царскую Россию. Но и с критикой категорически не согласился.

Н.М. Дружинин подвел итоги непростого заседания: «Я должен сказать и в качестве председателя собрания констатировать, что точка зрения тов. Аджемьяна не нашла сегодня поддержки в нашей среде. Мы не можем с тов. Аджемьяном согласиться, что народы северо-восточного Кавказа стояли на той ступени отсталости социальной, политической и духовной, которую пытался им приписать тов. Аджемьян. ... мы не можем согласиться, что все движение горцев Северного Кавказа было инспирировано Турцией. Мы считаем, что оно выросло органически, на почве самой страны»²⁸.

Итак, выступление Аджемьяна было встречено в штыки. По итогам дискуссии был опубликован отчет о заседании, где подробно передавалось содержание выступлений и подчеркивалось то, что советские историки выступили против нового подхода²⁹. Между тем, положение в идеологической сфере еще больше изменилось: усили-

валась пропаганда великодержавности, крепкого и сплоченного государства, патриотизма. В этих условиях Шамиль — символ борьбы горцев против России, оказывался фигурой крайне одиозной, особенно после сталинских депортаций кавказских народов. Происходит отход в описании присоединения нерусских народов к Российской империи от формулы «наименьшего зла» к «абсолютному благу». Идеи, высказанные Аджемьяном, звучали все настойчивее.

Кампания по борьбе с космополитизмом, где ультрапатриотические идеи Аджемьяна оказались очень кстати, вновь вернула «историка по призванию» на авансцену. В июле 1949 г. его пригласили на заседание в Президиуме РАН по вопросам истории исторической науки³⁰.

В 1950 г. в директивном органе партии — журнале «Большевик» — появилась статья М.Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», в которой историки осуждались за неправильную трактовку мюридизма как прогрессивного явления. Упомянулось там и о дискуссии вокруг доклада Аджемьяна, причем как примере того, что историки цепко держатся за отжившие взгляды. В статье особенно подчеркивалась связь Шамиля с Турцией и Англией, чему придавался особенно негативный оттенок в условиях борьбы с низкопоклонством перед Западом³¹. Появление этой публикации окончательно закрепило новую концепцию истории Кавказской войны. Вышло специальное постановление Президиума АН СССР «Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников Академии Наук СССР». В академических институтах прошла серия заседаний, на которых осуждалась старая оценка мюридизма. Причем на них вчерашние критики практически слово в слово повторяли тезисы докладов Аджемьяна³². Заметим, что это позволяет думать, что через Аджемьяна высшие идеологические органы «транслировали» в общество определенные, непривычные, провокационные идеи и выявляли реакцию на них, готовили научную общественность к их восприятию.

Как это ни парадоксально, но после такого триумфа звезда Аджемьяна стремительно закатилась. Он исчезает из нашего поля зрения. Информации о нем, даже год смерти, найти не удалось. Как говорится: «Мавр сделал свое дело — мавр может удалиться».

Безусловно, Аджемьян был самым ярким представителем когорты «маленьких людей» в исторической науке. Хороший оратор, темпераментный полемист, любящий эпатировать публику. Но им одним галерея не завершается. К типу «маленьких людей» можно смело причислить и Ивана Ивановича Мордвишина (1910—1985?) из Иваново. Его биография вкратце такова. Он родился в Омске,

то ли в актерской семье (согласно автобиографии), то ли в семье крестьян (согласно листку учета кадров). Окончил Ивановский государственный педагогический институт, аспирантуру Московского педагогического института им. К. Либкнехта, в котором защитил кандидатскую диссертацию на тему «Бироновщина». «...Слыл эрудированным преподавателем истории СССР и историографии с хорошей памятью и ораторскими данными»³³.

Широкой научно-исторической общественности его имя стало известным в связи с разгромом книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (М., 1941). Сама история уже неоднократно освещалась в исследованиях³⁴, поэтому останавливаться на ней нет нужды. Напомним, что книга Н.Л. Рубинштейна подвергалась критике еще в военное время на совещании историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. Но настоящие проработки начались после публикации в журнале «Вопросы истории» отчета об обсуждении книги на кафедре истории СССР провинциального Ивановского педагогического института.

Важно подчеркнуть, что многие в редакции журнала противились публикации. М.Н. Тихомиров записал 23 января 1948 г. в своем дневнике: «На сегодняшнем заседании “ВИ” обсуждалась рецензия некоего Мордвишина из Иванова на “историографию Н.Л. Рубинштейна”. Как водится, рецензия была зело ругательная и столь же безграмотная. К моему удовольствию Вяч[еслав] Петр[ович] Волгин горячо высказывался против рецензии, назвал ее безграмотной, сказал, что определение историографии как дисциплины, изучающей только историю материалистических учений неверно. Я горячо поддержал Волгина и сказал, что сейчас все разделяются на две группы: тех, кто пишет и кого ругают, и тех кто ничего не пишет, но зато всех ругают»³⁵. Несмотря на противодействие, отчет о заседаниях был оперативно опубликован в первом номере. По иронии судьбы в следующем номере вышла разгромная статья о «Русской историографии» самого М.Н. Тихомирова³⁶, сыгравшая не менее тяжелую роль в судьбе Рубинштейна.

Но вернемся к работе Мордвишина. Как это следует из публикации, кафедра провела два открытых заседания, на которых главным оратором выступил именно доцент И.И. Мордвишин, он же и написал отчет для журнала «Вопросы истории». В своих выступлениях Мордвишин утверждал, что Рубинштейн «допускает ошибку, когда рассматривает марксизм как непосредственное продолжение буржуазной науки». Более того, «он почти о каждом из дворянских и буржуазных историков находит случай сказать доброе слово». Естественно, была найдена и антипатриотическая составляющая: «Проф. Н.Л. Рубинштейн исходит из неверного тезиса, что русская

историческая наука якобы почти всегда до новейшего времени оставалась от западноевропейской...». Вывод заседавших: «...Книга... нуждается в коренной переработке...»³⁷. В конце этой небольшой публикации находим дополнение от редакции, что историки всей страны приглашаются к обсуждению книги Рубинштейна. Именно после этой заметки вяло текущая полемика быстро набрала обороты.

Почему же именно обсуждение в провинциальном педагогическом институте сыграло ключевую роль в разгроме книги «Русская историография»? Причин тому несколько. Во-первых, идеологами всячески подчеркивался прикладной характер даже гуманитарных наук. Поэтому учебникам придавалось особое значение. Они должны были ориентировать многочисленную армию провинциальных преподавателей на правильное обучение студентов, которые в свою очередь должны были заполнить школы по всей стране. Если же эти самые провинциальные преподаватели сигнализируют о «прорывах исторического фронта» — то это свидетельствует о вопиющем положении дел. Во-вторых, выступление провинциальных историков против известного столичного профессора — пример демократии в науке, зримое проявление критики и самокритики, коллективной ответственности советских историков за состояние своего «фронта». В-третьих, работники Ивановского педагогического института выступили в роли своеобразного третейского судьи. Критические рецензии, поступавшие на книгу от известных московских и ленинградских специалистов, могли показаться кому-то сведением счетов, а неангажированные провинциальные историки, не впутанные в академические игры, служили примером честного отношения к делу. Короче, целая кафедра во главе с доцентом Мордвишиным сыграли роль «маленького человека».

Лидер «ивановских погромщиков» Мордвишин после этого заслужил особую честь и был приглашен в Москву на обсуждение книги Рубинштейна, которое прошло в Министерстве образования СССР с 15 по 20 марта 1948 г. По воспоминаниям С.О. Шмидта: «Жалко и в то же время зловеще выглядело выступление И.И. Мордвишина из пединститута г. Иваново, напечатавшего перед тем письмо о книге Н.Л. [Рубинштейна] и получившего слово только седьмым; он обижался на то, что публично не оценили его инициативу, не выделили его роль: сработал симптом Бобчинского и Добчинского, боровшихся за то, чтобы было известно, кто первым сказал “э”»³⁸. Очевидно, что наш герой не был лишен своеобразного тщеславия. Выступая, Мордвишин повторил все свои обвинения, особенно выпячивая мысль о том, что Рубинштейн не владеет марксизмом, что и привело к ошибкам в его книге³⁹.

Но поездка в Москву так и не стала карьерным трамплином. Мордвишин вернулся в Иваново, где продолжил преподавание в местном пединституте. По воспоминаниям ивановского историка И.Я. Биска, еще в 1970-х годах Мордвишин «похвастал тем, что в свое время его приглашали аж в Москву громить космополитов; в словах Мордвишина не было ни антисемитизма, ни покаяния, а лишь одно тщеславие»⁴⁰. Очевидно, что вояж в Москву, где его внимательно слушали местные знаменитости, стал самым ярким эпизодом в «научной» карьере «маленького человека» Мордвишина. Заметим, что в своих воспоминаниях, опубликованных в 1993 г. уже после его смерти, о своем триумфе он предпочел умолчать⁴¹.

Примером все того же «маленького человека», борющегося против авторитетов и их «злоупотреблений», является сотрудница Института истории Полина Ефимовна Осипова (род. 1900). В ее личном деле можно обнаружить скудные сведения из ее биографии. Родилась в Могилеве в еврейской семье, с 1918 г. — в комсомоле, а с 1919 г. — в партии. Работала сотрудником ЦК ВКП (б). В 1930—1934 гг. являлась слушателем Института красной профессуры. Наконец, с 1939 г. поступила в аспирантуру Института истории АН СССР, с того же года была зачислена младшим научным сотрудником. Специализировалась по истории международных отношений Нового времени. В 1943 г. защитила кандидатскую диссертацию. Раннее вступление в ряды большевистской партии, учеба в ИКП и места работы выдают активного и идейного партийного деятеля. Отнюдь не случайно, что в 1944 г. она становится парторгом сектора Новой истории⁴².

Осипова обнаружила «плагиат» в курсе лекций известного специалиста по истории Америки Л.И. Зубока. Судьба последнего не была простой. Выходец из рабочей еврейской семьи из Одессы, в 1913—1924 гг. он находился в эмиграции в США, где принимал активное участие в рабочем движении. Затем вернулся в Россию, чтобы помочь строить коммунизм. В СССР он быстро выдвинулся в одного из ведущих специалистов по истории Америки. Тяжелым ударом для него стало обсуждение школьного учебника по Новой истории⁴³. В условиях идеологических кампаний еврей Зубок, к тому же живший в Америке, оказался чрезвычайно удобным объектом для критики. Обвинения, выдвинутые Осиповой, стали предметом разбирательства партбюро Института истории на заседании 28 мая 1948 г.

Суть истории, со слов Осиповой, такова: «В прошлом году ко мне пришел тов. Лисовский* по поводу того, что тов. Зубок заимствовал его

* П.А. Лисовский — историк, специалист по истории международных отношений новейшего времени.

статью... На партсобрании я выступила, т.к. считала такой поступок неэтичным для члена партии». Более того, в своей статье о Кубе* Зубок вновь пошел на плагиат, на этот раз из книги американца Дженкса (гражданство Дженкса только усугубляло проступок). «Подобные факты говорят о методе работы т. Зубока и о низком уровне его научной работы»⁴⁴. Осипова напомнила, что еще до войны Зубок обвинялся в том, что использовал материал из статьи научного сотрудника Лившица** об Испании. Тогда это было расценено как заимствование, и Зубок сняли с должности заведующего сектором Новой истории.

В данном случае для расследования была создана специальная комиссия. Е.А. Луцкий провел сличение текстов и, как доложила секретарь партбюро З.В. Мосина, он «обнаружил значительные совпадения текста, в ряде мест имеет место дословный пересказ, без ссылки на автора»⁴⁵. При этом Лисовский вел себя очень непоследовательно: он то подтверждал факт заимствования, отказываясь квалифицировать поступок Зубока, то отрицал его. Плагиат из работ американца Л. Дженкса подтвержден не был. При обсуждении вердикта за Зубока фактически вступилась Мосина: «С обвинением тов. Осиповой о заимствовании тов. Зубоком книги Дженкса не согласна. Тов. Зубок использовал фактическую канву и имел на это право, тем более, что он дает ссылки. Тов. Лисовский подал всего три заявления. Во втором и третьем заявлении он никаких претензий к тов. Зубоку не предъявлял. Я считаю необоснованными приписать тов. Зубоку недобросовестный мотив»⁴⁶.

Сам Зубок, расценивший случившееся как спланированную травлю, заявил следующее: «Все заимствованное у тов. Лисовского сводится к семи строкам. Сам тов. Лисовский дал положительный отзыв на отработанную лекцию и сказал, что чувствует себя виноватым передо мной. Тут упоминалось о факте со статьей тов. Лившица об Испании. Я лично говорил с тов. Лившицем и он дал согласие использовать его материал»⁴⁷.

В целом комиссия склонялась в сторону того, чтобы расценить случившееся как элементарную небрежность, связанную с большим объемом работы. Но поведение Зубока, который категорически отказывался признать хотя бы частичную справедливость обвинений и публично отстаивал свою позицию, в то время, как от него требовалось покаяние и частичное признание ошибок в духе самокритики, было расценено как неправильное. По словам А.П. Кучкина: «...Он не вынес

* Зубок Л. Политика Соединенных штатов в Кубе (1900—1934 гг.) // Вопросы истории. — 1947. — № 11. — С. 50—73.

** П.И. Лившиц — историк, специалист по истории Испании Нового времени.

урока, выступал не самокритично, бросает обвинения тов. Осиповой. Надо было продумать, в чем его вина и осудить свой поступок. Решение комиссии беззубо, нет квалификации поступка тов. Зубока. Надо резко осудить методы работы тов. Зубока, и предлагаю вынести партийное взыскание, т.к. те предупреждения, которые были, очевидно, недостаточны»⁴⁸. Против выступила Н.А. Сидорова: «О тов. Зубоке надо судить в целом: он активно работал в Институте, успешно выступал с лекциями и, наконец, первый создал ценное учебное пособие. Заимствование незначительное и если сравнить с общей работой... этот поступок не заслуживает вынесения партийного взыскания»⁴⁹.

Постановление бюро гласило: «Тов. Зубок использовал свое служебное положение в ущерб интересам автора, писавшего для Института, и вместе с тем нанес ущерб престижу Института»⁵⁰. Данное разбирательство стало лишь эпизодом в череде неприятностей Зубока, обрушившихся на него в послевоенное время, но эпизодом важным, поскольку оно показало его с неприглядной стороны, чем не замедлили воспользоваться его недоброжелатели.

Судьба самой Осиповой также оказалась непростой. В личном деле можно обнаружить служебную записку ставшего заведующим сектором Новой истории П.А. Лисовского, датированную 10 февраля 1950 г. В ней он доводит до сведения руководства института то, что Осипова не предоставила в срок рукописи своей монографии⁵¹. Как-то заступиться за нее он даже не пытался. Видимо, скандальная сотрудница надоела и ему. Возможно, что он припомнил и историю двухлетней давности, когда неуемный энтузиазм Осиповой поставил его в неловкое положение. После этого ее следы теряются. Очевидно, что ее уволили из института. Принимая во внимание, что наступило время борьбы с космополитизмом, думается, что ее еврейское происхождение сыграло в этом не последнюю роль.

Галерея «маленьких людей» не исчерпывается описанными выше персонажами и случаями. «Маленькие люди» и их «сигналы», в том числе и в форме публичных выступлений, в годы непрекращающихся идеологических кампаний превратились в обыденное явление. Движимые разными мотивами, иногда благородными с их точки зрения, а чаще тщеславием и карьеризмом, они действовали по схожему алгоритму: подавали сигнал, который вызывал цепную реакцию. Дело могли по указке с самого верха раскрутить, но могли и поставить на тормоза. В случае если идеологи, местная администрация или кто-то еще считали нужным, делу давался публичный ход, вырастающий в небольшую (большие имел право начинать только И.В. Сталин) идеологическую кампанию или дискуссию.

Примечательно, что «маленькие люди» быстро исчезали из поля зрения, как отработанный материал. Теперь трудно определить, кто из них действовал на свой страх и риск, а кто являлся пешкой в сложной многоходовой игре. Их действия нарушали привычную академическую жизнь, а в случаях, когда научное сообщество инертно выполняло директивы партии, они добавляли динамики и остроты в дискуссии и собрания.

- ¹ Лейбович О.Л. В городе М: очерки социальной повседневности советской провинции. — [2-е испр. изд.]. — М., 2009. — С. 148. См. также: Сахаров А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. — М., 2004. — С. 843—848.
- ² Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке, 1947—1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. — 1997. — № 4. — С. 29.
- ³ Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. — М., 2012. — С. 179—202.
- ⁴ Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. — 1948. — 9 сент.
- ⁵ Панкратова А.М. Письма Анны Михайловны Панкратовой / публ. Ю.Ф. Ивановой // Вопросы истории. — 1988. — № 11. — С. 59.
- ⁶ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). — Брянск, 2005; Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. — М.: РГГУ, 2011; и др.
- ⁷ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году / публ. Ю.Н. Амиатова, З.Н. Тихоновой // Вопросы истории. — 1996. — № 2. — С. 62.
- ⁸ Там же. — С. 66.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Панкратова А.М. Письма Анна Михайловны Панкратовой. — С. 59.
- ¹¹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году ... — С. 68.
- ¹² Дубровский А.М. Историк и власть ... — С. 489.
- ¹³ Александров Г.Ф. О некоторых задачах общественных наук // Большевик. — 1945. — № 33. — С. 16.
- ¹⁴ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). — Ф. 211 (Институт истории АН СССР). — Оп. 2. — Ед. хр. 5. — Л. 75.
- ¹⁵ Закс А.Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопросы истории. — 1989. — № 6. — С. 164—167.
- ¹⁶ Научный архив Института российской истории (НА ИРИ) РАН. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 329. — Л. 27.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. — Л. 28.
- ¹⁹ Там же. — Л. 40.
- ²⁰ Там же. — Л. 43.
- ²¹ Там же. — Л. 58.
- ²² Там же. — Л. 56.

Н.П. Берлякова

**В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ О КУЛЬТУРЕ
И ЕЕ РОЛИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Аннотация. В статье представлено прочтение творческого наследия В.О. Ключевского как историка русской культуры: культура, история, человек в методологии ученого. Рассматриваются главные позиции, которые раскрывают подходы историка к культуре.

Ключевые слова: культурный диалог; культурная доминанта; культурный текст; культурный опыт; язык культуры; исторический источник; личность; самосознание общества.

N.P. Berliakova

**V.O. KLYUCHEVSKY ABOUT THE CULTURE
AND ITS ROLE IN RUSSIAN HISTORY**

Summary. The article is devoted to the historian of the Russian culture V.O. Klyuchevsky's creative legacy, that is culture, history and human in the methodology of the scientist. The major positions revealing the historian's approach to culture are being examined in the article. Klyuchevsky's address to the world picture and the system of values, the cultural work of human in history allowed him to create the whole conception of any cultural-historical epoch.

Keywords: cultural dialogue; cultural dominance; cultural text; cultural experience; language of culture; historical source; personality; consciousness of society.

В.О. Ключевский — историк, имя которого широко известно в России и далеко за ее пределами. Наследие ученого привлекает внимание исследователей разных направлений гуманитарного знания. Можно с полным основанием утверждать, что его труды продолжают вдохновлять развитие отечественной и мировой гуманитарной науки.

В.О. Ключевский — уникальное явление русской исторической мысли. «Особенность его “Курса лекций” состояла в том, — писал философ В.В. Розанов, — что он великие процессы русской истории, ее вековые течения, как и еще более ее частности, ее подробности, наконец, совершенно конкретные лица и единичные

- ²³ Там же. — Л. 80.
²⁴ Там же. — Л. 81.
²⁵ Там же. — Л. 89—89 об.
²⁶ Там же. — Л. 95.
²⁷ Там же. — Л. 107.
²⁸ Там же. — Л. 135.
²⁹ Заке А. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. — 1947. — № 11. — С. 134—140.
³⁰ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие, вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. — М., 2011. — С. 227.
³¹ Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. — 1950. — № 13. — С. 21—37.
³² К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Вестник Академии наук СССР. — 1951. — № 1. — С. 110—117.
³³ Бельшев И.С., Биск И.Я. Преследование и гибель историка Н.И. Разумовской, 1949 г. // Археографический ежегодник за 2005 год. — М., 2007. — С. 478.
³⁴ Например: Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки, 2004: историогр. вестник. — М., 2005. — С. 186—207.
³⁵ Архив РАН. — Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). — Оп. 6. — Ед. хр. 2. — Л. 4.
³⁶ Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII века // Вопросы истории. — 1948. — № 2. — С. 94—99.
³⁷ Мордвишин И. Обсуждение книги проф. Н.Л. Рубинштейна // Вопросы истории. — 1948. — № 1. — С. 154.
³⁸ Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // Шмидт С.О. После 75: работы 1997—2001 годов. — М., 2012. — С. 525.
³⁹ Вотинов А. Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. — 1948. — № 6. — С. 129.
⁴⁰ Бельшев И.С., Биск И.Я. Преследование и гибель историка Н.И. Разумовской, 1949 г. — С. 478.
⁴¹ Там же.
⁴² НА ИРИ РАН. — Ф. 1. — Ед. хр. 35. — Личное дело П.Е. Осиповой.
⁴³ Подробнее: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и школьный учебник по новой истории // История: электрон. науч.-образоват. журн. — 2012. — Вып. 7 (13): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/ideologicheskie-kampanii.html>
⁴⁴ ЦАОПИМ. — Ф. 211. — Оп. 2. — Ед. хр. 9. — Л. 54.
⁴⁵ Там же. — Л. 53.
⁴⁶ Там же. — Л. 55.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же. — Л. 56.
⁴⁹ Там же. — Л. 57.
⁵⁰ Там же. — Л. 59.
⁵¹ НА ИРИ РАН. — Ф. 1. — Ед. хр. 35. — Л. 45.

В.В. Тихонов

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XXI В.
(сборник трудов молодых ученых)***

Аннотация. Представляется сборник трудов молодых ученых, посвященных проблемам российской историографии середины XIX — начала XX в., как историографическую работу, выполненную на высоком профессиональном уровне.

Ключевые слова: историческая наука; современная российская историография.

V.V. Tikhonov

**NEW VIEW ON PROBLEMS OF THE RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE OF XIX —
BEGINNING OF XXI CENTURY
(Collection of Papers of Young Scientists)**

Summary. It is represented a collection of papers of young scientists, devoted to the problems of Russian historiography of the middle of XIX — beginning of the XX century, as a historiographic work done at a high professional level.

Keywords: historical science; modern Russian historiography.

Несмотря на скромный подзаголовок — «сборник трудов молодых ученых» — разбираемая книга является выполненной на высоком профессиональном уровне историографическими работами, касающимися ключевых проблем истории и современного состояния отечественной исторической науки. Включенные в сборник труды представляют собой небольшие монографии, емко и комплексно освещающие поставленные вопросы.

Открывает издание исследование Е.А. Архиповой, посвященное преломлению социально-экономической сферы жизни старообряд-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в.: сборник трудов молодых ученых / отв. ред. А.С. Усачев. — М.: Альянс-Архео, 2012. — 360 с.

цев в правительственном, научном и публицистических дискурсах¹. Работа выполнена на широком историографическом материале, который вводится в культурно-исторический контекст. Вначале автор обращается к малоисследованной теме работы чиновников МВД по изучению деятельности старообрядческих общин. Убедительно показано, что проекты и труды по изучению старообрядцев, разработанные в недрах МВД, стали отправной точкой в осмыслении этого сложного феномена. Немалую роль в активизации интереса к социально-экономическим аспектам раскола сыграли сочинения П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Указано, что возрастающая популярность старообрядческой темы негативно сказалась на качестве исследований. Как пример приводится компилятивная и тенденциозная книга Ф.В. Ливанова, которая была написана настолько предвзято по отношению к старообрядческой культуре, содержала такое количество ошибок, что была даже запрещена Московским цензурным комитетом.

В центре внимания Е.А. Архиповой логично оказалось наукообразие А.П. Шапова — классика изучения старообрядческой тематики. Несмотря на то, что историку посвящено значительное количество исследований, автор сумел найти пробелы в изучении концепции А.П. Шапова. Так, она обратилась к выявлению факторов, повлиявших на взгляды историка. Было наглядно показано, что «идеологический подтекст оказал определяющее влияние как на характер изложения, так и на систему аргументации» ученого. Более того, в связи с этим А.П. Шаповым «не был осуществлен критический анализ источников на том уровне развития исторической науки, которого она достигла к середине XIX в.»². Не сумел А.П. Шапов до конца соблюсти и принцип историзма, придав старообрядцам XVII—XVIII вв. черты их последователей XIX в. Несмотря на очевидные для современного исследователя промахи, разоблачительный пафос и методологические новации сочинений историка оказали огромное влияние на его современников (Н.Я. Аристов, В.В. Андреева), придавших концепции А.П. Шапова известную завершенность.

Большой интерес вызывает попытка Е.А. Архиповой провести компаративное историографическое исследование, рассмотрев, насколько методологические поиски русских исследователей феномена старообрядчества совпадают с наработками немецкой исторической школы политической экономии и классическими трудами В. Зомбарта и М. Вебера. Наглядно показывается, что в начале XX в. российская наука обладала схожим исследовательским инструментарием, позволяющим по-новому взглянуть на проблему. К сожалению, потенциал не был реализован.

Несмотря на ряд оригинальных и плодотворных подходов, в работе не рассматривается либо полно не раскрывается влияние позитивизма и марксизма на изучение социально-экономической культуры старообрядцев. Между тем, очевидно, что эти два направления, с их акцентом на социально-экономических аспектах бытия, неизбежно стимулировали ученых к повороту к анализируемым сюжетам.

Исследование П.А. Алипова³ освещает доэмигрантский период жизни и научной деятельности историка-антиковеда М.И. Ростовцева. Кратко, но в то же время информативно дан очерк жизни М.И. Ростовцева. Автор совершенно верно и наглядно показывает, что основные теоретико-методологические взгляды ученого сложились именно в России: здесь он сформировался как ученый, получив заслуженное признание, внося немалый вклад в изучение Античности. Тем самым опровергаются представления зарубежных историков науки, в большинстве своем считающих, что М.И. Ростовцев как исследователь раскрылся только в США.

В доэмигрантский период была сформулирована и известная концепция о циклическом развитии мировой истории. Анализ этой концепции занимает ключевое положение в исследовании. Автор, в том числе и на новом архивном материале, показывает, как эволюционировали представления М.И. Ростовцева, впрочем, оставаясь неизменными в основе, на протяжении длительного времени. В этой связи любопытным представляется сравнить взгляды М.И. Ростовцева с другим выдающимся представителем русского антиковедения — Р.Ю. Виппером. Он также придерживался концепции цикличности истории, чему посвятил немало специальных работ. Вообще, заметим, что концепция «круговорота истории», пришедшая из Европы, имела немало сторонников в среде русских историков (Р.Ю. Виппер⁴, Б.И. Сыромятников⁵ и др.), сравнение их воззрений, выявление сходства и различий, является актуальной историографической задачей.

Возможно, требуют некоторой корректировки заявления о том, что М.И. Ростовцев сформулировал воззрения, выходящие за рамки позитивизма. Основываясь на факте методологического сомнения историка в абсолютной адекватности полученного исторического знания, автор делает вывод, что мы вправе «анализировать его труды в контексте кризиса позитивизма»⁶. Представляется, что в данном случае мы имеем дело не с кризисом позитивизма, а с его дальнейшей эволюцией, переходом к т.н. «второму позитивизму», для которого свойственно сомнение в абсолютной познаваемости действительности⁷. Это особенно наглядно проявляется в творчестве многих специалистов по истории России начала XX в. Впрочем, данный вопрос еще недостаточно изучен и продолжает дискутироваться в науке.

Заслуживает внимания обнаружение в творчестве М.И. Ростовцева элементов историко-антропологического исследования. Надо отметить, что такие элементы стали важной чертой развития русской исторической науки в начале XX в., проявившись в работах А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина, Л.П. Карсавина и др. Это свидетельствует о том, что отечественная историческая наука вплотную стояла если не накануне антропологического поворота, то, во всяком случае, указанные тенденции становились все ощутимее⁸.

Важным достижением П.А. Алипова является предложенное в исследовании опровержение историографического стереотипа об определяющем влиянии современной политической ситуации на формирование исторических взглядов М.И. Ростовцева, в частности его теории борьбы города и деревни. Автор убедительно доказывает, что данные выводы имеют шаткую фактическую базу и не могут быть признаны состоятельными.

Интересным и спорным является заявление П.А. Алипова о том, что М.И. Ростовцев был историком-презентистом. Данный вывод сделан на основе выявления случаев использования антиковедом аналогий с современностью и применением по отношению к античной истории таких категорий, как «капитализм», «промышленность» и т.д. Здесь хотелось бы возразить автору. Дело в том, что описанные воззрения вытекали, во-первых, из концепции «круговорота истории», которая, с нашей точки зрения, вполне вписывалась в позитивистскую парадигму, а во-вторых, такая модернизация была типичным явлением для историков-позитивистов, которые, отказавшись от классической теории прогресса (но не отвергнув ее, а скорее видоизменив), разработали более сложную теорию исторического процесса. Например, Ю.В. Готье — историк, которого трудно отделить от позитивистской традиции отечественной историографии, прямо проводил параллели между Смутным временем и революциями 1917 г. В любом случае, сомнительно, что М.И. Ростовцева следует рассматривать как историка-презентиста, поскольку такое утверждение не отражает сущности его теоретико-методологических воззрений. Презентизм, как направление, возникнув в США и будучи представлен такими учеными, как Фр. Тёрнер, Дж. Робинсон и Ч. Бирд, выдвинул лозунг «Каждый сам себе историк!», подчеркивая полную зависимость исторических концепций от современности. Можно ли обнаружить такие «экстремистские» взгляды у М.И. Ростовцева? Очевидно, что нет. Весь предложенный материал показывает, что он признавал возможность объективного (конечно же, не абсолютно) познания.

Е.А. Долгова представила реконструкцию научной биографии после Октябрьской революции выдающегося русского историка

Н.И. Кареева⁹. Несмотря на обилие работ, анализирующих дореволюционную теоретико-методологическую концепцию ученого, эволюция его взглядов после 1917 г. остается малоизученной темой. В заслугу автору можно поставить выявление большого круга источников, касающихся жизни и научной деятельности Н.И. Кареева в 1917—1931 гг. Огромный интерес представляют вводимые в научный оборот записные книжки историка за 1923 г., 1926—1930 гг., а также неопубликованные монографии и статьи, посвященные методологическим проблемам. Значительная часть очерка посвящена повседневной жизни Н.И. Кареева в годы советской власти. Выявленные автором факты могут стать важным материалом для изучения «историографического быта» ученых «старой школы» в новой для них социокультурной ситуации. Подводя итоги своих, во многом предварительных исследований, Е.А. Долгова подчеркивает, что «Н.И. Кареев, оказавшись в новых непривычных условиях, тем не менее, практически не пытался адаптировать свою научно-исследовательскую работу к условиям нового времени, продолжая жить в «старых», привычных координатах»¹⁰.

А.Е. Чельцова представила анализ феномена «сталинизма» в отечественной историографии. Исследование построено в рамках такого направления, как «история понятий», и является первым в отечественной историографии подобного рода трудом по заявленной тематике. Вначале автор совершенно справедливо приходит к выводу, что «литература, посвященная непосредственно проблеме изучения сталинизма, представляется крайне неполной, тенденциозной, не выделяющей четко направления исследований, построенной по тематико-хронологическому принципу. В ней не показана в полной мере ситуация плюрализма мнений, о котором авторы заявляют, а также игнорируется вопрос терминологии и определения конкретными исследователями термина «сталинизм»»¹¹. Заметим, что в разобранной литературе, посвященной историографии сталинизма, не нашлось места книге Ю.В. Емельянова «Сталин перед судом пигмеев»¹². Признавая ярко выраженную просталинскую позицию автора, его политическую ангажированность, тем не менее, надо подчеркнуть и тот факт, что им была предложена альтернативная историографическая версия, которую нельзя игнорировать. Более того, такие вопросы, как «Сталин в интернете», поставленные Ю.В. Емельяновым, заслуживают всяческого внимания.

А.Е. Чельцовой удалось показать на широком общественно-политическом фоне борьбу мнений по вопросу феномена сталинизма. Автор выделяет несколько периодов в разработке и концептуализации понятия «сталинизм»: 1930—1950-е годы, вторая половина

1980-х годов и 1990-е годы. Пик интереса к проблеме приходится на время «Перестройки», а затем происходит заметный спад. Следует подчеркнуть, что для исследования был мобилизован весьма широкий круг историографических источников. Тем не менее, вне поля зрения оказались труды отечественных диссидентов (например, группы Краснопевцева), в которых был предложен оригинальный анализ феномена советского строя в целом и сталинизма в частности. Сформированная ими интеллектуальная традиция оказала заметное влияние на отечественных историков и публицистов.

Такое модное сейчас в отечественной науке историческое направление, как история повседневности, находится в центре внимания А.В. Ильясовой. Исследователь рассматривает данное направление «как исключительно зарубежный интеллектуальный продукт»¹³, привившийся на российской историографической почве. Исходя из этого, автор конструирует «идеальный тип» историко-повседневных штудий, основанный на западноевропейской традиции, в первую очередь немецкой. В работе отчетливо проводится разделительная черта между бытовой (этнографической) историей и собственно историей повседневности. Если первая описывает быт, то вторая нацелена на изучение эмоциональных реакций и переживаний людей в рамках повседневной жизни. Анализ серии диссертационных работ по истории повседневности приводит автора к выводу о том, что отечественные историки не всегда понимают указанную разницу. В связи с этим многие исследования нельзя считать трудами по истории повседневности. С другой стороны, если учесть отечественную традицию исторического бытописания, связанную с именами Н.И. Костомарова и И.Е. Забелина, то можно рассматривать такое положение дел как особенность русской исторической науки.

Хотелось бы поспорить и с мнением автора о том, что история повседневности — исключительно иностранный продукт. Такое впечатление возникло, видимо, из-за специфики используемых историографических источников, так как в исследовании разбираются исключительно труды, посвященные истории XIX—XX вв. Действительно, разработка повседневных аспектов истории в советское время не получила должного развития, хотя идеи Тарту-Московской школы семиотики, в особенности Ю.М. Лотмана, нашли применение. В то же время в изучении средневековой Руси история повседневности получила импульс к развитию скорее не от наработок немецких коллег, а от отечественных традиций. Исследование древнейших периодов всегда сопряжено с проблемой отсутствия необходимого количества источников. Для русской истории эта проблема особенно остра. Поэтому историки вынуждены компенсиро-

вать недостаток информации применением новых методик анализа по отношению к уже известным источникам. В связи с этим интерес к повседневности в отечественной историографии возник достаточно давно. В России классикой жанра стала небольшая монография Б.А. Романова «Люди и нравы Древней Руси: ист.-бытовые очерки XI—XIII вв.» (Л., 1947). Именно появление этой книги, видимо, является отправной точкой в развитии истории повседневности в рамках отечественной медиэвистики как особого если не направления, то, во всяком случае, научного жанра. Отнюдь не случайно, что в своеобразном научно-популярном компендиуме В.В. Долгова¹⁴, объединяющем достижения изучения древнерусской повседневности, иностранных работ практически нет, а само название («Быт и нравы Древней Руси») прямо отсылает к труду Б.А. Романова. При этом нельзя сказать, что за рубежом не наблюдается интереса к историко-антропологическому подходу к древнерусской истории. Просто отечественные «древники» продолжают опираться на собственную традицию.

А.В. Ильясова признает, что «повседневность — всего лишь один ракурс рассмотрения общества, не способный дать значимой информации для понимания его исторической динамики, а лишь дополняющий, конкретизирующий научные подходы, вскрывающие его сущность. В повседневности доминирует описательность всего того, что было, а не аналитика. Изучение того или иного фрагмента истории человечества непременно должно включать в себя изучение повседневности, и в то же время невозможно только через повседневность понять всю суть исторического развития»¹⁵. Несмотря на это, автор справедливо подчеркивает, что разбираемый подход обладает очевидной перспективностью в рамках современных исторических исследований.

От себя добавим, что заметной проблемой развития истории повседневности, как научного направления, является ее склонность к фрагментации предмета исследования. В трудах российских историков уже появились «историографическая», «военная», «образовательная», «чиновная» и другие «повседневности». В свое время в Германии подобная ситуация привела к кризису направления. В России об этом еще говорить рано, но, очевидно, что схожие проблемы не за горами.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что разбираемая книга обязательно станет заметным событием в российском историографическом пространстве. Ее появление стимулирует изучение важных вопросов. Авторы показали хорошую исследовательскую форму и нетривиальность подходов. Наше несогласие с рядом выводов не-

сит скорее дискуссионный характер и ни в коем случае не является негативным показателем. Остается только пожелать завершения и публикации предложенных работ в виде полноценных монографий.

- ¹ *Архипова Е.А.* Экономический социум старообрядцев в дискурсах второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы российской историографии середины XIX — начала XX в. — М., 2012. — С. 7—76.
- ² Там же. — С. 46.
- ³ *Алипов П.А.* М.И. Ростовцев: исследования по истории Древнего Рима (доэмигрантский период) // Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в. — М., 2012. — С. 77—150.
- ⁴ *Малинов А.В.* Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX — начала XX века. — СПб., 2009. — С. 262—326.
- ⁵ *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. — Pisa, 2008. — С. 51—52 и др.
- ⁶ *Алипов П.А.* М.И. Ростовцев: исследования по истории Древнего Рима. — С. 150.
- ⁷ *Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX века. — М., 1980. — С. 250.
- ⁸ *Муравьев В.А.* Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 4—6 февр. 1998 г. — М., 1998. — С. 40—44; *Тихонов В.В.* Об одной тенденции развития отечественной историографии в начале XX в.: (историко-антропологические работы А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2010. — М., 2010. — С. 328—335.
- ⁹ *Долгова Е.А.* Научная биография Н.И. Кареева (1917—1931 гг.) // Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в. — М., 2012. — С. 151—205.
- ¹⁰ Там же. — С. 205.
- ¹¹ *Чельцова А.Е.* Феномен «сталинизма» в отечественной историографии // Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в. — М., 2012. — С. 211.
- ¹² *Емельянов Ю.В.* Сталин перед судом пигмеев. — [2-е изд., испр., доп. и расшир.]. — М., 2008.
- ¹³ *Ильясова А.В.* История повседневности в современной историографии // Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в. — М., 2012. — С. 280.
- ¹⁴ *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI—XIII вв. — М., 2007.
- ¹⁵ *Ильясова А.В.* История повседневности в современной историографии — С. 297.